

ЭРНСТ КАССИРЕР В ПОИСКАХ СМЫСЛОВ

В своей вступительной статье к избранным трудам В. фон Гумбольдта Г.В. Рамишвили подчеркивал, что тезис немецкого просветителя об «языковом мировидении», согласно которому слова разных языков – это не различные звуковые обозначения одного и того же предмета, а «различные видения» этого предмета, и по сей день является источником многих недоразумений, хотя «с чисто эмпирической точки зрения содержит довольно простую мысль: *различие языков не сводится к одному лишь звуковому фактору...*», а суть языка не сводится к его инструментальной функции. Мы, таким образом, имеем в качестве особой реальности «исторически закрепленную в языке систему значений, посредством которой (а не непосредственно) и происходит «преобразование» внеязыковой действительности в объекты сознания».¹ Другими словами, *«язык есть не ряд готовых этикеток к заранее данным предметам, не их простое озвончение, а промежуточная реальность, сообщающая не о том, как называются предметы, а, скорее, о том, как они нам даны».*

Этим цитированием нам хотелось бы начать статью, во-первых, потому, что она задает базовый ориентир для нашего научного семинара под общим названием **«СОЦИУМ.СОЗНАНИЕ.ЯЗЫК»**. И именно эпоха Просвещения, конкретно – немецкое просвещение в лице Гердера и Гумбольдта, положили начало проблематике, обозначенной этим названием. Во-вторых, потому, что в приведенных цитатах обозначена, на наш взгляд, самая противоречивая суть проблемы языка. Наконец, в-третьих,

¹ Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000.

приведенные отрывки напрямую перекликается с темой сегодняшнего семинара – **«Знак и символ в философии культуры и лингвистике»**.

Итак, если «язык есть не ряд готовых этикеток к заранее данным предметам, а промежуточная реальность, сообщающая не о том, как называются предметы, а, скорее, о том, как они нам даны», то встает сразу два вопроса: «Как же они (предметы, реальность) нам даны?» и «Кому они даны?». То есть – фундаментальные вопросы философской гносеологии: Что и как дано в процессе познания? и Кто – субъект познания?

Очевидно, что такие вопросы невозможно решать внутри языкознания – это междисциплинарная проблема, требующая философской методологии, то есть философского видения проблем лингвистом и языкового видения проблем философом.

Сегодняшнему семинару была предпослана глава из книги немецкого философа Эрнста Кассирера «Философия символических форм»² (1923-1929), которая называется «Символическое запечатление». Кассирер взят как пример философа, не избегающего междисциплинарности, а эта небольшая глава взята потому, что наглядно демонстрирует те затруднения, с которыми сталкивается и которые преодолевает Кассирер.

С проблемой трактовки знака (используя фразеологию второго нашего автора, чья работа также была предпослана семинару, М.В.Никитина – «знака и значения») мы столкнулись при изучении феномена и понятия социальной реальности и культуры³. Логика научного исследования была такова: общественное сознание – культура – массовая культура – «информационное общество» (как очередная современная идеологема, но

² Кассирер Э. Философия символических форм. Феноменология познания. Том 3. М.,-СПб., 2002. Стр.151-160.

³ См. Фомин А.П. Педагогическое сознание в условиях виртуализации социальной реальности. СПб., 2009.

не объективная реальность) – информация (как суррогат знания) – знак. Промежуточным результатом исследования стало очередное доказательство непродуктивности создания теории знака на базе психологии⁴. Дело в том, что такой подход неизбежно превращает самого человеческого индивида в информационную систему, что принципиально не верно и никак не согласуется с отечественной психологической школой. На что, кстати, косвенно обращает внимание и М.В. Никитин. На базе философского подхода попытка создания знаковой теории оказывается более продуктивной, о чем свидетельствует опыт Э. Кассирера.

В главе «Символическое запечатление» Кассирер сразу же формулирует проблему: «...как могло бы отдельное “впечатление” *передавать* какое бы то ни было значение, если бы в нем уже не было “заложено” само это значение?»⁵ – спрашивает он. Оказываясь от – сенсуалистического решения, идущего еще от Локка, как от ничего не объясняющего, он обращается к Канту с его трансцендентностью. Но и у Канта он не находит объяснения. По-прежнему не ясно «Как из лишнего значения *существования* происходит нечто *значимое*, как из “сырого материала” ощущения – чего-то принципиально чуждого значению, – проистекает смысл»⁶, поскольку Кант, как известно, субъективист и прямо заявляет, что смыслы суть произведения нашего индивидуально сознания. И не ясно остается, зачем нашему разуму согласно трансцендентным принципам структурировать наш опыт и придавать ему смысл, если объективная реальность не существует («вещь-в-себе»).

Кассирер ищет выход у Brentano, который видит суть психического в интенциональности («направленности на объект», «имманентной

⁴ См., например, *Чертов Л.Ф.* Знаковость: опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи. СПб., СПбГУ, 1993, где автор предпринимает попытку создать очередную теорию знака на базе психологии, анализируя индивидуальные способности мышления и индивидуального сознания, неправомочно, на наш взгляд, ссылаясь при этом на Выготского, Леонтьева, Гальперина, Лурия, Рубинштейна.

⁵ Кассирер Э. Указ. Соч.С.153.

⁶ Кассирер Э. Указ. соч. С.154.

предметности»). То есть предмет, по Brentano, вместе со смыслами существует в ментальности воспринимающего субъекта. Но удивительным образом Cassirer, зашоренный психологическим индивидуализмом, дальше не идет. Он не задает вопрос – откуда берется эта интенциональность, эта направленность на объект. Вместо этого он ищет ответ у Husserl, который различает в потоке феноменологического бытия «вещественный» и «ноэтический» слои. «К последнему относятся все чисто функциональные проблемы, то есть подлинные проблемы сознания и смысла. Ведь “иметь смысл” или “обозначать” нечто суть фундаментальные характеристики всякого сознания, являющегося не переживанием вообще, а осмысленным, “ноэтическим” переживанием»⁷. Круг, казалось бы, замкнулся, но философ все же находит выход, который и дал ему возможность создания особой теории культуры.

Cassirer видит выход из методологического тупика в СИМВОЛЕ, «*символическом запечатлении*». Надо особо подчеркнуть, что Cassirer использует понятие «символ», а не понятие «знак». «Символический процесс, пишет он, является как бы единым потоком жизни и мышления, пронизывающим сознание и создающим своим течением многообразие и связь сознания – его полноту, непрерывность и постоянство»⁸.

Вспомним, что эстетическая трактовка символа, идущая своими корнями в античность, прозвучала хорошо у Шеллинга, который первым разграничил *символ*, *аллегория* и *схему* как три разных способа изображения. Согласно Шеллингу, **символ есть синтез** аллегии и схематизма, где ни общее не обозначает особенного, ни особенное не обозначает общего, но где и то и другое абсолютно едины. Само бытие возможности «не аллегорично и не схематично, оно есть абсолютная неразличимость того и другого – символическое»⁹. Символ есть целое,

⁷ Cassirer Э. Указ. соч. С.156

⁸ Cassirer Э. Указ. соч. С.160.

⁹ Шеллинг Ф.В.Й. *Философия искусства*. М., 1966. С.109, 111.

которое непереводаемо с помощью других знаковых систем, поэтому исследователи видели специфику символа в *единстве явления и значения*.

Таким образом, с позиций эстетики символ есть «совпадение явления и идеи», а все искусство – символично. Именно поэтому сторонники эстетической трактовки символа считают, вслед за Шеллингом, искусство высшей формой культуры. Эта тенденция эстетизации отразилась и в трактовке символа С.С. Аверинцевым, согласно которой символ: «1) В науке (логике, математике и др.) – то же, что *знак*, 2) В искусстве – универсальная эстетическая категория...»¹⁰. В цитируемой статье используется греческое слово *συμβολον* – знак, и вовсе не говорится, что *συμβάλλειν* по-гречески – «сводить воедино». У Шеллинга это было ближе к истине. Однако Аверинцев не зря предостерегает от крайности индивидуализма в трактовке символа: «Истолкование символа есть диалогическая форма знания: смысл символа реально существует только внутри человеческого общения, вне которого можно наблюдать только пустую форму символа. “Диалог”, в котором осуществляется постижение символа, может быть нарушен в результате ложной позиции истолкователя. Такую опасность представляет собой субъективный интуитивизм, [не о грядущем ли постмодернизме писал Аверинцев в 1983 году?] со своим “вчувствованием” как бы вламывающийся внутрь символа, позволяющий себе говорить за него и тем самым превращающий диалог в монолог. Противоположная крайность – поверхностный рационализм, в погоне за мнимой объективностью и четкостью “окончательного истолкования”, устраняющий диалогический момент и тем утрачивающий суть символа»¹¹.

У Э. Кассирера символ – «репрезентант множества», посредством которого фиксируется совокупность «возможных моментов содержания», благодаря чему «само это содержание приобретает новое состояние и

¹⁰ Аверинцев С.С. Символ... С.608.

¹¹ Аверинцев С.С. Символ. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.С.607.

новую длительность»¹². Символизация, говорит он, характерна отнюдь не только для науки, где научное понятие – кирпичик научного языка, она характерна для всех форм духовного творчества. Человек благодаря способности к символизации «между системой рецепторов и эффекторов» имеет третье звено – символическую систему. Но именно поэтому он живет «в новом измерении реальности». Человек живет теперь не только в физическом универсуме, но и в символическом универсуме, теперь мы должны, говорит Кассирер, определить человека не как *animal rationale*, а как ***animal symbolicum***¹³.

Как отмечает В.А.Сулимов, взаимодействие культуры, языкового сознания и текстов культуры приводит к развитию «особой вмещающей функции языка, которая охватывает не только процесс накопления языком смыслов (когнитивная функция языка), не столько включения языковых смыслов в культуру в качестве артефактов (кумулятивная функция языка), но и включения систем сознания, языка и культуры в единое... пространство», которое автор называет «языковым континуумом»¹⁴.

М.В.Никитин возражает против расширительных претензий семиотики, «экспансии» семиотики, которая, по его словам, заявляет свои права на психологию, психопатологию и психоанализ, на идеологию и пр., приводя в пример отрицательный опыт графа Альфреда Кожибского. Вообще влияние сознания на язык и речь всерьез изучаются давно, по крайней мере, с И.Г. Гердера, а вот влияние языка на сознание стало изучаться только в XX веке. Одной из первых попыток и стала книга А. Кожибского «Наука и здоровье» (1941)¹⁵, в которой автор, анализируя политико-идеологическую пропагандистскую практику СССР и фашистской Германии, выдвигал

¹² Кассирер Э. Философия символических форм // Антология культурологической мысли. Авторы-составители С.П. Мамонтов, А.С. Мамонтов. М., 1996. С.204.

¹³ Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры. Что такое человек? // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С.28.

¹⁴ Сулимов В.А. Философия и логика русского языкового континуума. М., 2005.

¹⁵ Korzybski A. Science and Sanity. Lancaster (Rens), 1941.

перед общей семантикой, новой тогда наукой, задачу изучения «живых реакций людей» на «нейролингвистическую среду как среду», на «семантическое поле», создаваемое пропагандой. И хотя сама книга и «антропологическая» теория культуры Кожибского были подвергнуты справедливой критике рядом авторов¹⁶, а его стремление доказать, что слова вообще не связаны с вещами и, следовательно, смыслы слов, являясь плодом нашей фантазии, полностью в нашей власти, А. Шафф назвал «шаманским фокусом»¹⁷, однако трудно не согласиться с утверждением, что в далекой от научности работе польского автора поднята серьезная проблема будущего, значение которой становится ясно нам только сегодня. Проблема эта – проблема манипуляции сознанием, которая так тщательно сегодня затушевывается, маскируется теорией «информационного общества», тесно связанной с различными теориями знака.

Действительно ли информация как таковая, то есть, иначе говоря, поток бессмысленных знаков (ибо смыслы в информацию вкладываем мы), сегодня играет такую огромную роль? Автор реального определения понятия «информационное общество» в современной энциклопедии «Глобалистика», описывая некоторую социальную реальность, пишет: «Интернет обретает статус второй, информационной реальности, в которой человечество сможет обитать и проявлять себя во многих сферах более эффективно, чем в физической реальности, например, в государственной, образовательной, медицинской, научной, производственной, коммерческой, коммуникационной, творческой и большом количестве других», люди в таком обществе будут взаимодействовать друг с другом в рамках «глобального информационно-культурного пространства Сети... Поэтому мощь государства в информационном обществе будет определяться прежде всего уровнем развития культуры. Уже появляется новый вид культуры –

¹⁶ См., например, *Rapport A. What is Semantics?//Language, Meaning and Maturity. N.-Y., 1954; Шафф А. Введение в семантику. М., 1963.*

¹⁷ *Шафф А. Введение в семантику. М., 1963. С. 114.*

сетевой, в рамках которой зарождаются и развиваются многие направления – виртуальная коммуникация, виртуальная наука, виртуальное образование, виртуальное искусство, виртуальная литература, виртуальный бизнес, виртуальная политика и т.п.»¹⁸. И это действительно реальность!¹⁹

Однако, такое определение «информационного общества» вызывает, как минимум, три возражения. Во-первых, до полного охвата сетью Интернета всего населения Земли или даже значительной его части еще очень и очень далеко. Во-вторых, прогнозы для стран, охваченных сетью, вовсе не так однозначны. И, в-третьих, самое главное, роль информации в современном обществе, по логике сторонников этого определения, такова, что под ее влиянием меняется сущность человека, который в этом случае становится всего лишь «коммуникатором». Так ли это? Действительно ли информация имеет сегодня столь парадигмальный статус?

Отражением этих сомнений, как нам кажется, и стало номинальное определение в упоминаемой энциклопедии: «Информационное общество – социологическая и футурологическая концепция, считающая главным фактором общественного развития производство и использование научно-технической и др. информации. Концепция информационного общества является разновидностью теории *постиндустриального общества*, основу которой заложили З. Бжезинский, Д. Белл, А. Тоффлер. Кроме термина “информационное общество” разные авторы используют различные наименования: “просвещенное общество” (К. Флекснер), “общество риска”

¹⁸ Юхвид А.В. Информационное общество // Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003.

¹⁹ ВИРУ - это *Всемирный Информационно-Распределенный Университет Международной Академии информатизации*. В документах этой структуры читаем: «Материалы диссертации или ее основные научные результаты должны быть опубликованы в научных изданиях МАИ или в системе ВИРУ. Заседание экзаменационного и докторского комитета считается правомочным, если в его работе принимают участие не менее 4 членов комитета. Решение докторского комитета по присуждению ученой степени и присвоению ученого звания считается положительным, если за него открытым голосованием проголосовали все члены комитета, присутствующие на заседании. Решение о присуждении ученой степени доктора философии, доктора в различных областях науки и техники и гранд доктора философии и о присвоении ученого звания ассистента профессора и полного профессора вступают в силу с даты принятия решения докторским комитетом».

(У. Бек), “посткапиталистическое общество” (П. Друккер), “открытое общество” (Дж. Сорос) и др.»²⁰. Все эти концепции появились в 70-80-е годы, когда социальная реальность перестала укладываться в старые объяснительные схемы. Так А. Тоффлер считаем, что вслед за первой («аграрной») и второй («индустриальной») волнами глобальных технических изменений следует третья – «информационная»²¹.

Так что же такое «информационное общество» – теоретическая концепция, культурно-политический проект или объективная социальная реальность? Для ответа на этот вопрос необходимо разобраться, что такое *информация*? И определяющим, существенным, на наш взгляд, является различие информации от *знания*?

Атрибутивный подход к категории «информации», который предполагает, что информационность есть атрибут материи, представляется нам наиболее адекватным. Такой подход мы встречаем у ряда авторов²². «Информационная причинность» может быть рассмотрена как «особая форма каузальной связи, отличающаяся от других форм именно тем, что она состоит не в детерминации вещества или энергии, а в детерминации структурных отношений»²³. Но если для простых, физических процессов хватает непосредственной передачи информации, изоморфной даже, то для более сложных систем – биологических, психических и социальных – **необходим посредник**, каковым и является **ЗНАК**. Вот тогда-то понятие «информации» и вводится в семантику.

²⁰ Иоселиани А.Д. Информационное общество // Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003.

²¹ См.: Тоффлер А. Третья волна. М., 1980; Белл Д. Социальные рамки информационного общества. М., 1979 и др.

²² См.: Бродский Н.И. Причинность и информация // Вестник Ленинградского университета. Серия экономики, философии и права. 1963. №17, вып.3; Свидерский В.И., Зобов Р.А. Новые философские аспекты элементарно-структурных отношений. Л., 1970; Тяхтин В.С. О природе образа (Психическое отражение в свете идей кибернетики). М., 1963; Штофф В.А. Моделирование и философия. М., Л., 1966.

²³ См.: Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. 2-е изд. М., 1968; Украинцев Б.С. Самоуправляемые системы и причинность. М., 1972.

Информационные цепи ненадежны, ибо, чем длиннее цепь, тем больше искажение информации; в этом смысле передача информации с помощью знаков надежнее. Но в этом случае механизм передачи информации кардинально меняется: знак становится «пусковым толчком», ключом для запуска реакции, «априори» заложенной в «приемнике», а структура сигналов, знаков уже никак не связана ни с «передатчиком», ни с «приемником». Так рождается виртуальная реальность, и притом вовсе не исключительно в компьютерных сетях, как это принято считать сегодня; компьютерные сети явились не более как современной формой виртуализации²⁴.

Между тем существенное отличие знания от информации как раз и состоит в том, что **знание есть социальный феномен**. Если информацию можно считать формой связи в материальном мире, то знание – это форма существования СО-знания. Таким образом, существенным здесь является нагруженность знания СМЫСЛАМИ, то есть существенная связь знания с мышлением, на которое способен только человек. Это существенное отличие знания от информации имплицитно присутствует в символической концепции культуры Кассирера, где понятие «**символа**» онтологизируется и является по сути оппозиционным понятию «знака».

Разведя, таким образом, понятия «информации» и «знания», необходимо отметить, что если в отношении знаний мы можем сказать: «Чем больше индивид знает, тем лучше», то в отношении информации сказать «Чем больше информации “вмещает” индивидуальное сознание, тем лучше» мы не можем, поскольку для обработки информации требуется совсем другая «система» – компьютер. Мозг человека приспособлен природой скорее для «переработки» знаний, а не для переработки информации. Такая патология, как шизофрения, хорошо это показывает: при шизофрении главным симптомом, наряду с гигантской работой

²⁴ См.: Фомин А.П. Виртуализация социальной реальности в современном мире // «Известия РГПУ им. А.И. Герцена» №10(56). 2008.

интеллекта «внутри себя», является утеря связи личности больного с социальной реальностью, как объективной, так и субъективной. Поэтому, в принципе, нет знаний абсолютно разрушающих; если перед нами действительно знание, то оно будет усвоено, интериоризировано, вплетено в субъективную реальность здорового человека с созидательной интенцией. К сожалению, мы не можем того же сказать об информации: она может быть для здоровой психики и созидающей и разрушающей, как и ее количество, переходя барьер восприятия и усвоения, разрушает индивидуальное, а сегодня уже и общественное сознание.

Заглавие статьи Никитина «Соотношение знака и значения» не случайно: суть – в соотношении субъективной и объективной реальности. На эту проблему – смешивания и различения субъективной и объективной реальности – философы обращали внимание постоянно и постоянно отслеживали ее. И в этом была важнейшая функция философии вообще, то есть не какой-то философской школы конкретно, будь то материализм или идеализм, а той специфической формы интеллектуальной деятельности, которую мы называем философией, имея в виду ее принципиальную многошкольность. Лингвистическая философия представляется нам одной из попыток удержать под контролем эту проблему (соотношения субъективной и объективной реальности) в XX веке. Искоренение метафизики состояло в том, чтобы доказать, что «метафизические» предложения возникают в том случае, если некоторые стандартные языковые структуры принимаются за выражение структуры самой реальности и служат основой для выводов о «мире, как он есть». Граф Кожибский увидел в этой проблеме другую сторону, столь актуальную сегодня: проблема состоит не в том, что мы не верно, искаженно представляем реальность («симулякризация»); искаженное представление реальности было и раньше. Проблема в том, что появились вполне осязаемые возможности производить эту искаженную реальность массовым тиражом, создавая совершенно искусственные миры и

совершенно искусственное сознание. Частным примером виртуализации сознания в литературе является замена научной фантастики новым жанром фэнтэзи.

Впрочем, об этой тенденции писал уже Жан Бодрийар, характеризуя США как «Гениальный универсум, появившийся благодаря неудержимому развитию равенства, пошлости и незначимости»²⁵ и как «оргию свободы, безразличия, отрыва, выставления напоказ и движения», когда «жизнь – это кино». Пытаясь быть объективным и беспристрастным, автор добавляет: «Дело в том, что определенная пошлость, определенная вульгарность, которые нам кажутся неприемлемыми здесь, в Европе, в Америке более чем приемлемы – они зачаровывают»²⁶. Но как-то сразу это очарование ассоциируется с очарованием и радостью, силой и бодростью тела и духа искусства немецкого Рейха, когда элита с помощью изощренной пропаганды намеренно формировала плебейско-жизнерадостное, свободное от рефлексии и морали отношение к жизни. Современными отечественными исследователями отмечается та же тенденция «плебсизации» масс.

Таким образом, попытки философа Кассирера выйти за рамки кантианства хотя бы в пространство неокантианства имели своим результатом создание символической концепции культуры, которую сегодня весьма полезно иметь в виду при анализе современных тенденций симулякризации и виртуализации сознания.

(Статья написана для первого заседания научного семинара ССЯ на тему «Знак и символ в философии культуры и лингвистике» в феврале 2010 года. Семинар прошел 29 марта 2010 года. Материалы вышли в сборнике: Социум. Сознание. Язык. Материалы первого и третьего заседаний научно-теоретического семинара. Волхов, 2011. С. 4-11.

²⁵ Бодрийар Ж. Америка. СПб., 2000. С.166.

²⁶ Бодрийар Ж. Америка...С.180. Любопытно, что Бодрийар, характеризуя США, проводит параллель с другим «тоталитарным» обществом: «Калифорния утвердилась как мировое пространство симулякра и неаутентичности: как абсолютный синтез *cool* [крутой] сталинизма» - там же. С.181.